

УШКУЙНИК

БИТЬ ВРАГА В ЕГО
ЛОГОВЕ

ПОПАДАНЕЦ
В ДРЕВНЮЮ РУСЬ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Исторические бестселлеры Ю.Корчевского

Юрий Корчевский
**Ушкуйник. Бить
врага в его логове!**

«Феникс»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

Ушкуйник. Бить врага в его логове! / Ю. Г. Корчевский —
«Феникс», 2019 — (Исторические бестселлеры Ю.Корчевского)

ISBN 978-5-222-39165-5

1471 год. После Куликовской битвы прошел уже почти век, а проклятое Иго все еще не свергнуто окончательно. Однако власть ослабевшей Золотой Орды трещит по швам. И вызов потомкам Чингисхана теперь бросают не только княжеские дружины, но и вольные ватаги ушкуйников, что на своих легких речных ладьях-ушкуях совершают набеги вниз по Волге, разоряя ордынские земли. А теперь — пришло время нанести удар в самое сердце хищной Степи и бить врага в его логове. Объединенный флот ушкуйников идет в поход на столицу Золотой Орды!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-39165-5

© Корчевский Ю. Г., 2019
© Феникс, 2019

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юрий Корчевский

Ушкуйник. Бить врага в его логове!

© Корчевский Ю. Г., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Родителей своих Мишка не помнил. Жил он с дедом и бабушкой в их ветхой избенке на берегу речки в Чижевском селище, что под Хлыновым раскинулось.

Трудное детство было у Мишки. Дед был совсем дряхлым, и приходилось мальчику и коз пасти, и крышу латать, когда протекала, и дрова на зиму заготавливать. Зимы в вятских краях суровые, а силенок мало. Пока ребенком был, хворост собирал, а уж когда подрос, с дедовым топором в лес ходить стал – сушняк рубить да вязанками домой носить. Хворост быстро прогорал, и ходить за ним в лес приходилось каждый день. Не то – самостоятельные мужики: те деревья валили, пилили и на лошаденке в санях вывозили.

А еще – голодно зимой. Однако научился Мишка силки ставить. Когда-нибудь птица попадет или заяц, тогда праздник в доме – мясным духом пахнет.

Каждое воскресенье бабушка водила Мишку в церковь, на службу. Мишке в церкви было интересно: высоко над головой росписи чудные – ангелы парят, свечи горят, ладаном пахнет, оклады у икон золотом-серебром сияют – лепота! И вокруг нарядные все, особенно купцы, житий люд. Те всегда в первых рядах, а беднота да голытьба позади толкается.

Мальчик любознательным был, бабушку вопросами донимал: «Что там написано?» Только что бабушка сказать могла, когда сама неграмотная? Однако любознательного мальчонку заприметил приходской священник – пригреб, грамоте учить стал. А Мишка и рад. Случится время свободное, и, когда службы в церкви нет, к священнику бежит.

– Эта буковка – «аз», эта – «веди», а эта – «ижица».

Священник терпеливо показывал Мишке буквы в большом церковном псалтыре, а тот не переставал удивляться диковинным обозначениям, старательно выведенным рукой писца, а еще тому, что у каждой свое, говорящее название!

Беден был Мишка, не мог купить ни бумаги, ни пергамента, ни чернил. Из письменных принадлежностей только и было, что перьев в избытке. И учился Мишка писать зимой на снегу, а летом – на пыльной земле пальцем или хворостиной. Однако сметлив он был не по годам – схватывал все на лету, впитывал знания, как губка воду, и памятью Господь его не обидел. И к весне уже весь алфавит знал и читать умел – пока, правда, по слогам.

А еще священник его числам учил. Поперва, пока счет до десятка шел, Мишка на пальцах считал. А потом при храме вроде церковно-приходской школы образовалось, и Мишка вместе с другими ребятами стал ее посещать.

Смелым был Мишка – жизнь заставила. От деда защиты и помощи по дряхлости его ждать не приходилось, вот и бился Мишка на кулачках, когда обижали. Не смотрел, что обидчик старше и ростом выше. Часто сам бит бывал, и синяки не сходили, но уважать себя заставлял. Весь Мутнянский конец знал, что малец обиду не спустит. Мутнянский – это от речки, Мутнянкой прозванной. Несколько улиц, часто кривых и коротких, конец образовывали. И селились на таких концах люди одного ремесла.

Мутнянский конец был местом, где селились лодочники. Кто долбленки делал – это когда из ствола толстого дерева нутро выдалбливается, а потом снаружи обтесывается, а кто и плоскодонки ладил. Узка долбленка, но верткая, ходкая на воде. Плоскодонка пошире будет, на ней хорошо грузы возить.

Мишка мечтал иногда: «Как вырасту, тоже лодки делать стану».

Востребованное ремесло – Мутнянка в десяти шагах от избы протекает, впадает в Вятку. А где реки, там и спрос на лодки есть. И инструменты у деда есть – в сарае. Только вот заниматься ремеслом сил у него уже нет.

Так и рос паренек – как почти все его сверстники: работой любой занимался, не гнушаясь, лишь бы на еду заработать, потому как деда с бабушкой тоже кормить надо.

Только после одной встречи жизнь Мишкина изменилась.

По селищу весть пронеслась: колокол в церковь Успения Пресвятой Богородицы привезли. Он лежал во дворе на жердях, дожидаясь подъема на колокольню. Узнав о колоколе, сбежались ребята посмотреть вблизи на сверкающее диво. Большой колокол, на солнце блестит, а понизу – вязь славянскими письменами.

И стал Мишка те буквы читать. Слушают ребята, рты раскрыв. Многие и постарше изрядно, да неграмотны вовсе.

Обошел Мишка колокол, надпись счел. А рядом купец оказался. Послушал он Мишку и подошел после.

– Никак – грамоте обучен?

– Разумею.

– Сколько весен тебе?

– Бабка говорит – двенадцать.

– Хм, а живешь где?

– На Мутнянском конце.

– У лодочников?

– Ага.

– И считать умеешь?

– А до десяти десятков.

– Ты гляди-ка, – удивился купец. – Кто же тебя научил?

– Священник Питирим – да вот же его церква.

Купец раздумывал, с любопытством оглядывая паренька.

– А как тебя звать-величать?

– Михаилом, – солидно ответил Мишка.

– Заработать хочешь?

– Кто же не хочет?

– Это верно, да вот только не у всех получается. Ты вот что: приходи завтра ко мне в лавку – на Огневищенском конце, спросишь Аникея Лазарева.

Купец огладил бороду, перекрестился на икону надвратную и вышел с церковного двора. А Мишку любопытство распирало – чего от него купцу надобно?

Ночью он спал беспокойно, а утром, едва проснувшись и ополоснув лицо, задал курам корма и – на Огневищенский конец.

Идти было недалеко, Чиж – село невеликое.

Добежав до лавки, Мишка остановился в нерешительности. В лавку заходили и выходили люди. Наконец Мишка решил и вошел.

Ого! У купца лавка была больше, чем дедова изба. И чего только на полках не было: тюки тканей разных цветов, платки, еще чего-то, чему Мишка и названия не знал.

Оробел парень, застыл у порога. Неудобно ему стало, видя такое богатство вокруг, за свою драную рубаху и босые ноги.

– Ты чего встал – проходи!

Из-за прилавка вышел давешний купец.

– Здравствуй, Михаил.

– И вам доброго дня, дядя Аникей.

– Разговор у меня к тебе есть. Помощника я к себе в лавку подыскиваю – чтобы грамотный был, счет вести мог. Был у меня помощник, да только зимой лихоманка его забрала. Давай-ка проверим, насколько ты учен. Держи!

С этими словами купец сунул Мишке в руки, покрытые цыпками, вошеную дощечку и деревянное писало.

– Пиши: два прибавить три.

- Чего писать, дядя Аникей – пять будет.
- Откуда знаешь?
- Так это – из головы.
- В уме, что ли, посчитал?

Аникей заставил Мишку писать разные слова, складывать и вычитать простые числа. Выполненным заданием остался доволен.

– Подходишь ты мне, парень. Вот только видок у тебя! – покачал он головой. – Всех покупателей мне распугаешь!

Мишка смутился. Он и сам это понимал, да денег на новую одежду у него не было. Видел парень монетки несколько раз, но в руках держать не приходилось.

- Ты честен ли, не ворует? – неожиданно спросил купец.
- Как можно? – возмутился Мишка. – Я же крещеный, в церкву хожу.
- Ну – это я так, для порядка. Согласен ли ты работать у меня? Жалованье положу – одна деньга в седмицу.

Мишка не знал, что и сказать. Одна деньга – это много или мало?

Купец расценил Мишкино молчание по-своему.

- Ну, харчи в обед, само собой – мои.
- Согласен! – выпалил паренек.
- Однако же, – продолжал купец, – в таком виде тебе работать нельзя. Вот как сделаем. Я тебе рубаху и порты подберу. Как придешь в лавку, будешь переодеваться. А заработаешь денюжат – за одежду рассчитаешься, рубаха и порты твоими станут.

Обрадовался в душе Мишка, но виду не показал.

До обеда они вместе тюки тканей перетаскивали да пересчитывали. Товар перекладывал в основном Аникей и диктовал пареньку:

- Шелк красный из Синда – один. Атлас хорезмский, лазоревый – один.

Не успевал Мишка – сроду на восковой табличке писалом не писал, оттого и язык от усердия высунул.

До обеда они трудились, отрываясь от дела, когда покупатели заходили. В обед купец лавку прикрыл. На чистой тряпице снедь разложил: яйца вареные, кусок белого хлеба, лук, редиску, жбан кваса выставил. Квас вкусный, на ягодах сварен. От вида яств таких у Мишки аж скулы свело, но он терпеливо ждал, когда купец первым вкушать начнет.

Такой вкуснятины паренек еще не пробовал.

После перекуса снова принялись за работу, пока в лавке не стемнело.

– Тебя где черти носили! – стал ругаться дед, когда Мишка явился домой. – С утра глаз не кажешь, уж на дворе вон темень какая, а его все нету да нету!

– Не ругайся, деда, я работать у купца Лазарева стал. Он мне рубаху и порты новые справить обещал.

– Тогда другое дело, – смягчился дед.

Мишка похлебал постной похлебки с горбушкой черного ржаного хлеба да и спать отправился. Утомился за день с непривычки, аж пальцы на правой руке ломило.

И пошел день за днем в работе. Приходил Мишка в лавку в своей драной одежде, переодевался, а дальше – что Аникей скажет. Тюки подносил к прилавку, ткань помогал отмерять, на вощенной табличке записывал, сколько какой продано. За месяц освоился, обвык. Да так ловко стал управляться, что не успеет еще Аникей распорядиться, как Мишка уже и так несет то, что купец хотел. И записывать не забывал – даже без напоминаний. А в конце месяца Аникей торжественно вручил ему четыре деньги и за одежду распорядился:

– Носи, заслужил. Обувку тебе еще справим, дай только срок. На младшего приказчика похож будешь.

Как на крыльях летел Мишка домой – так хотелось похвастаться перед дедом и бабкой обновками! Ни с кем из ребят по пути не разговаривал, боясь выронить монеты, что во рту, за щекой держал.

Долго разглядывали дед с бабкой обновы, в руках мяли. Бабуля даже прослезилась на радостях.

В один из дней, когда Аникей надолго отлучился, Мишаня сам переложил тюки на полках: шелк – к шелку, ситец – к ситцу, атлас – к атласу. Да не просто переложил, а с учетом цвета – оттенки одного цвета к одному месту снес. Так и покупателю удобно, и купцу. Раньше все тюки и рулоны вперемешку лежали.

Явившийся под вечер Аникей удивился.

– Это кто же в моей лавке так похозяйничал?

– Подумал я, – сказал Мишка, – что лучше один материал в одно место сложить, другой – в другое, кучкой. И нам сподручно, и покупателю товар видно.

Аникей хмыкнул, удивленный, походил у стеллажей.

– Ладно, пусть полежит покамест, а там видно будет.

Нововведение оказалось удобным. Да и опыта паренек уже немного набрался. Явится покупательница, а Мишаня сразу к ней:

– Чего изволите? У нас весь товар отменный, заморский.

И сразу рулоны раскатывает. Слова словами, а перед яркой да красивой тканью ни одна женщина не устоит, хоть немного, но купит.

Смотрел на него Аникей и дивился:

– И откуда ты такой взялся? Прямо купец прирожденный! А года возьмешь, взматереешь, так и меня обскачешь!

Через месяц Аникей лавку пораньше закрыл.

– Пойдем-ка со мной.

И с Мишаней – на торг, что в центре был, на площади. Не торжище, конечно, как в Нижнем Новгороде или Пскове, но свои ряды есть – мясной, рыбный, оружейный...

Купец подвел Мишаню к сапожникам.

– А есть ли у вас сапожки короткие легкие для парубка?

Мишка аж расцвел. Никто его так раньше не называл.

Перемерили несколько пар, пока не подобрали по ноге – красной кожи, мягкие, на подошве из толстой свиной кожи. Поторговавшись, – какой базар без торга? – купец скинул цену, да и купил.

– Носи, помощник, заслужил. Я слово купеческое давал, стало быть – исполнить должен. И ты себе на носу заруби: коли слово дал – держи! Кровь из носа – держи! Тогда тебе люди верить будут и уважать тебя станут. И под слово твое и товар тебе в долг дать могут али другое чего. Понял ли?

– Понял, дядя Аникей.

С приходом Мишани у купца дела пошли веселей. Подбил парень итоги за один месяц, за другой – выросла прибыль-то.

А через два месяца купец сказал озабоченно:

– За товаром ехать надо, пока тепло и реки полноводны. Подсобки-то уже пустые, сам видишь – весь товар в лавке выложен. Ежели один в лавке останешься, сдюжишь ли?

– Цены знаю, отмерять могу, счету обучен. Полагаю – справлюсь, дядя Аникей.

– Боязнатовато. Вишь – Бог детей нам не дал, супружница здоровьем слаба, ей бы с домашним хозяйством справиться, а в лавке и опереться не на кого, окромя тебя.

– Я не подведу, дядя Аникей.

– Не кажи гоп, пока не перепрыгнешь! Увидим по осени. Я ведь не в соседнюю деревню еду – аж в Псков. Хорошо, если с ветром повезет – попутный будет. На ушкуе-то против тече-

ния идти придется, за веслами попотеть. Да пока товар скуплю, да пока назад... Раньше чем через месяц, а то и поболее, не возвращусь. Выдужишь?

– Спать-есть не буду, а не подведу.

– Ну – дай-то бог.

Через несколько дней купец уехал, дав парню кучу наставлений. В общем-то Мишаня и сам знал, что делать – освоился уже в лавке. Однако слушал Аникея со всем вниманием. Он – главный в лавке, хозяин!

Мишаня из кожи вон лез, стараясь угодить каждому покупателю. Хоть пару пуговиц продать, но только не отпустить покупателя без покупки. Когда покупателей не было – в лавке убирался, пыль протирал, мелкий товар повыгоднее на прилавке раскладывал.

За хлопотами время летело, и Мишаня с сожалением отметил, что лавка почти опустела – кончался товар-то! Когда уж Аникей явится?

Но пришел день – распахнулась дверь, и на пороге появился веселый, слегка пьяненький, загорелый купец.

– Ну здравствуй, Михаил!

Обвел взглядом полки и глаза вытаращил.

– А где товар-то?

– Продал, дядя Аникей!

– Не может быть! – не веря глазам своим, купец заглянул в опустевшую подсобку. – Хм! Ну тогда вот что. Давай сначала телегу с товаром разгрузим, а уж потом считать будем.

Они перетаскали баулы, рулоны и тюки в лавку и сложили кучей посередине. Купец уселся за прилавок и начал по воцеленным дощечкам считать. Потом деньги пересчитал. Все сошлось до полушки.

– Молодца, Мишаня! Выходит – мне снова за товаром ехать можно? А что? Вполне до осени, до ледостава еще ходку сделаю. За рвение и честность еще две деньги тебе к жалованью добавляю!

Купец был доволен, отсчитал Мишане деньги. Рад был и Мишка. Нанял он плотников – стены у избы на два венца поднять, да печников – печку поправить. Зима, чай, впереди.

Преобразилась избенка! Дед с бабкой не нарадуются. Мишаня себя добытчиком почувствовал, даже ходить стал степенно, а не вприпрыжку, как раньше.

Через неделю купец и в самом деле снова за товаром уехал, успокоенный успешной Мишкиной торговлей. Хорошо теперь: товара много, выбор большой. Мишаня со временем в покупателях разбираться стал, не лебезил перед каждым. Зайдет в лавку молодича, а он ей:

– Ах, как тебе к лицу вот этот шелк! Личико еще краше и приятней будет. И все женихи – твои.

Зардеется девушка и обязательно купит шелку.

К мужской половине – другой подход. Зайдет, к примеру, женатый человек, Мишаня к нему со всем вниманием.

– Вот аглицкое сукно, износа не будет – как есть заморское. И подклада к нему, да пуговицы оловянные. Коли желаете – медные есть, но подороже. А четыре аршина возьмете, так я и скидку дам.

Насчет скидок Мишаня подсмотрел на торгу – у купцов новгородских. Те со свеями да прочими немцами общались, у них переняли. И пошел, пошел товар... Так что, когда Аникей с новой партией товара явился, Мишаня большую часть первой партии уже продал.

Подивился Аникей:

– Да у тебя талант купеческий, парень!

Он посчитал деньги, сверился по записи – сошлось.

– И ты молодец, Михаил, и я не промах оказался. И знаешь, почему?

– Скажи, дядя Аникей.

– Нужного человека найти непросто. Один идет, увидел камень и пнул его. А другой этот камень подберет, очистит его, а это – самородок золотой. Постарше будешь – поймешь.

Прошел год. На жалованье купеческом вырос Мишаня, подрос, отроком стал. Идет по улице – девчата заглядываются. В селе Мишаню уже узнавали и, несмотря на его молодость, здоровались уважительно. Вот только у Аникея здоровье сдавать начало, тяжело стало ездить за товаром.

– Михаил, я вот что думаю, – обратился к Мишане как-то купец. – Ты уже в торговом деле поднаторел, не пора ли тебе на ушкуе за товаром ходить? А я уж в лавке как-нибудь, по-стариковски управляться буду.

Мишаня и сам видел, как непросто давались Аникею торговые вояжи. Одно удерживало раньше от такой помощи хозяину – сам возрастом не вышел. Это здесь, в Чижах, Михаила знали. А явись он в тот же Новгород – кто с недорослем дела вести захочет?

Меж тем торговля обороты набрала, купец лавку расширил, свой ушкуй купил. Не лодья конечно, но все же свое судно. Известное дело – доставка товара в Чижи на чужом судне дорого купцу обходилась: «За морем телушка – полушка, да рупь перевоз». И команду свою купец набрал – четыре человека. Жалко было Аникею, если поднятое дело прахом пойдет.

Перед первым плаванием долго наставлял купец Михаила – к кому идти, какие цены за товар давать.

– Смотри, ты человек новый – обмануть могут. Товар сочти и лично проверь – каждую штуку.

– Хорошо, дядя Аникей, я понял.

– Для команды ты – начальник. Кормчему подчиняется команда в деле речном – куда судно править, где паруса поднять, где на ночевку встать. А кормчий – тебе. Для него ты – это как я. Уяснил ли?

– Боязновато. В лавке я освоился, а тут – взрослыми мужиками командовать! Вдруг взропшут, ежели что не домыслю, дядя Аникей?

– Прежде чем команду дать, обдумай ее трижды. Коли дурные приказы отдавать будешь, на смех поднимут. А солидно, с умом держать себя станешь – и взрослые подчинятся. Кормчий Павел – человек надежный, ему довериться можно. Трудно будет – с ним посоветуешься. Ты совету бывалых людей не гнушайся, в том сраму нет. А вот ежели склонишься к какому решению – уже не отступайся, до конца иди.

Аникей отдал Мишане матерчатый пояс с зашитыми в нем монетами.

– Пояс не снимай в дороге, а когда на место прибудешь, на торг с ним не ходи – лихие люди враз срежут, даже и не почувствуешь.

– Ага, понял, дядя Аникей.

– Тогда с богом. Пошли, до ушкуя провожу.

У берега, у бревенчатой пристани покачивался на волнах кораблик. Поперва он казался Мишане большим – двадцать шагов в длину, шесть – в ширину, да мачта посередине.

– Здравствуйте, добры молодцы! – поприветствовал команду купец. – Ноне с приказчиком моим младшим – Михаилом – пойдете. Слушайте его, как меня самого. Первое плавание у парня, если что не так – подскажите. Да думаю, на реке-то Павел все знает, чай – три десятка лет за веслом.

Михаил с пристани спрыгнул на ушкуй. Палуба непривычно качалась под ногами. Мужик из команды привычно отвязал причальный конец, и ушкуй медленно отвалил от причала.

По лицу Аникея, изборожденному морщинами, текли слезы. У Мишани сжалось сердце. Вот сгорбленная фигурка купца на берегу реки исчезла за поворотом. Ушкуй уверенно шел вперед, в неведомые Мишане дали.

Матросы уселись на весла – выгresti на стремнину. Они были заняты своим привычным делом, а Мишаня не знал, куда себя деть.

– Поди сюда, – позвал с кормы Павел, стоявший за рулевым веслом. – Стой рядом, за берегами приглядывай, запоминай. Ходка у тебя первая, но мысль – не последняя, потому – пригодится. Ты еще вьюнош молодой, у тебя все впереди.

Ушкуй выбрался на середину Вятки, и его подхватило течением. Кормчий приказал поставить парус. Матросы потянули за веревки, расправившийся – парус хлопнул на ветру, надулся, и корабль ускорил ход.

– Повезло, вишь, нам, – и ветер попутный! – радовался Павел.

Мишаня больше глазел по сторонам. Он никогда не уплывал от Хлынова так далеко. Родные Чижи, селище возле Хлынова, он знал. В самом городе бывал – а вот дальше?

– Дядя Павел, а кто на левом берегу живет?

– Какой я тебе дядя? Павлом зови. А живут там разные племена-народы. Чуваши, черемисы, мордва. Они больше под Казанское ханство тяготеют.

– А далеко ли нам плыть?

– Далековато, парень. Сначала спустимся по Вятке до впадения Пижмы, по ней поднимемся до самых ее верховьев, потом – волоком до Ваи, из нее – в Усту, дальше – Ветлуга, а уж из нее – в Волгу. По-татарски она Итилем называется. А там сам решай – в Нижнем Новгороде пристанем али в другие города – Ярославль, скажем, добираться будем. Только хозяин твой, Аникей, в Нижний все время ходил. Он и ближе, и ярмарка там знатная – все товары есть.

Мишаня про себя решил, что и он первую ходку за товаром в Нижний сделает. Боязно поперва далеко забираться.

– Хорошо идем, – довольно улыбаясь, сказал Павел. – Вятка ноне полноводная, отмелей нет, и ветер попутный; да и течение помогает.

После полудня на берегу показался город.

– Павел, а это что за село?

– Не село – городок. Котельнич называется, Хлыновского уезда.

Тянулись берега, поросшие лесом. Иногда, заведя приближающийся ушкуй, к воде подходили какие-то люди, призывно приглашая пристать к берегу.

– Павел, чего это они?

– Товар предлагают: шкурки, рыбу вяленую али сушеную, поделки из дерева – ложки, лопаты, грабли.

– Чего же ты мне раньше не сказал?

– Зачем тебе рыба да ложки?

– Они не нужны, а меха можно было бы посмотреть.

– Эх, молодо-зелено, а еще приказчик, – добродушно улыбаясь, сказал Павел. – Меха надо брать по весне, в крайнем случае – ранним летом. Когда зверя зимой добывают, мех гуще, такой и греет лучше. И от выделки мездры качество зависит. В этом деле глаз набить надо – пощупать, присмотреться.

– Верно, я как-то не подумал. Я ведь у Аникея больше тканями занимался.

Когда начало смеркаться, Павел направил ушкуй к берегу и пристал в заводи, объяснив Мишане, что здесь ночевать следует. Видно, стоянкой этой пользовались и ранее – на поляне были выжжены круги от костров.

– Павел, еще не темно, дальше плыть можно.

– Плыть-то можно, только как в темноте потом дрова для костра искать да кашеварить?

Мишаня пристыженно замолчал. И здесь Павел прав. Говорил же Аникей: «Трижды подумай, прежде чем что-то сказать».

Матросы с ушкуя нарубили сухостоя, развели костер и подвесили закопченный котел, зачерпнув воду из реки. В забулькавший кипяток щедро сыпанули пшена, нарезанного сала, соли с перцем.

Вскоре от котла пошел ароматный дух. Павел, помешав варево, попробовал.

– Готово! Мужики, садитесь трапезничать.

Все уселись в кружок вокруг снятого с огня котла и потянулись к нему ложками. А у Мишани и ложки-то своей не было. Хоть плачь от досады!

Павел ухмыльнулся, сходил на ушкуй и принес деревянную – из липы – ложку.

– Держи! Впредь имей свою.

Еще один урок преподавал Мишане кормчий.

Кулеш был горяч и вкусен. Мишаня заработал – ложкой.

– Не части – по очереди, по кругу.

И здесь оплошность! Не бывал ранее в походах парень, не ел гуртом, не знал мелочей. Кушать сначала начинал кормчий, как главный на судне, за ним, по очереди – члены команды.

Матросы с аппетитом ели. Мишаня, прислушиваясь с интересом к их неспешному разговору, не заметил, как вокруг сгустилась тьма, на небе высыпали звезды. Лицо от близкого огня костра покраснелось, стало даже жарко, а со спины подступала ночная прохлада – приходилось поворачиваться к костру то одним, то другим боком, чтобы согреться.

В животе у Мишани разлилась приятная тяжесть, веки стали слипаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.